

Вторым памятником является небольшая икона (размер 31.7 × 26.6 см), хранящаяся в Отделе древнерусской живописи ГИМ, изображающая две сцены на одной доске из Повести о Динаре.⁵

М. Н. Сперанский, впервые опубликовавший в 1926 г. эту редкую икону с изображением царицы Динары, датировал ее серединой XVII в.⁶ Автором был высказан ряд предположений по поводу ее происхождения. Появление такой необычной иконы, на которой легендарная героиня русской повести изображается в виде святой царицы, М. Н. Сперанский объясняет тем, что «писавший икону мастер отождествил грузинскую святую Динару», жившую в X в., с Динарой русской повести.⁷ Выводы Сперанского были учтены последующими исследователями. Н. К. Гудзий также говорит, что «написание этой иконы объясняется тем, что Динару Повести иконописец отождествил не с царицей Тамарой, а с Динарой, жившей в X веке и считавшейся у грузин святой».⁸ Специальное внимание разгадке вопроса о русской Повести о Динаре уделил в своей работе Л. Г. Дзоценидзе, доказавший, что грузины, отвечавшие на запросы русских царей и послов на протяжении всего XVII в., видели в Динаре царицу Тамару.⁹ Московские цари, стремившиеся уточнить принадлежность грузинской Тамары-Динары к сонму святых, напрасно добивались присылки различных доказательств ее святости. В уклончивых ответах грузин на запросы Москвы совершенно ясно говорится о Тамаре-Динаре, а не о святой Динаре X в.

В своих рассуждениях о происхождении иконы и ее иконографическом источнике М. Н. Сперанский сравнивает икону с предполагаемыми иллюстрациями к отрывку из Повести, внесенному в список «Казанского летописца».¹⁰ К сожалению, для трех миниатюр в рукописи отведены только чистые листы с рамками, изображения же остались невыполненными. Но на чистых листах имеются клейма в виде кругов с текстами к предполагаемым миниатюрам. М. Н. Сперанский высказывает, на основании только этих подписей, предположение о зависимости изображения на иконе от недошедших, но якобы имевшихся отдельно миниатюр этого списка «Казанской истории» (ГБЛ, ф. 173, № 98), которые будто бы были затем воспроизведены на этой иконе.¹¹

Основываясь на своем предположении, М. Н. Сперанский считает, что «иллюстрации к Повести о Динаре», созданные для «Казанской истории», должны были появиться по времени раньше, нежели икона, относящаяся к середине XVII в.¹² Однако такая относительно поздняя датировка иконы и, напротив, слишком ранняя датировка рукописи «Казанской истории» (ГБЛ, ф. 173, № 98), а также вопрос о предполагаемом соотношении между изображением на иконе и неосуществленными миниатюрами «Казанской истории» нам представляются спорными. Задачей настоящей статьи является решение вопроса о взаимоотношении иконы и

⁵ Отдел древнерусской живописи ГИМ, № 54754, И VIII—1514, размер 31.7 × 26.6 × 2 см. Доска липовая, яичная темпера, паволока, левкас, две врезные встречные шпонки. Поступила в 1924 г. в ГИМ из Донского монастыря.

⁶ М. Н. Сперанский, стр. 91. В «Каталоге Выставки древнерусской иконописи» в ГИМ она упомянута А. И. Анисимовым под № 259 (М., 1926, стр. 31—32).

⁷ М. Н. Сперанский, стр. 88.

⁸ Н. К. Гудзий, стр. 255.

⁹ Л. Г. Дзоценидзе. Повесть о Динаре, стр. 138.

¹⁰ М. Н. Сперанский (стр. 89) ссылается на рукопись ГБЛ, ф. 173, № 98. XVII в. (из б. Московской Духовной академии).

¹¹ М. Н. Сперанский, стр. 90—91.

¹² По мнению М. Н. Сперанского, иконописцу были известны не две, а все три композиции к Повести о Динаре; икона же, в зависимости от миниатюр, воспроизводила две композиции, изготовленные для эпизода о Динаре в «Казанской истории» (М. Н. Сперанский, стр. 90—91).